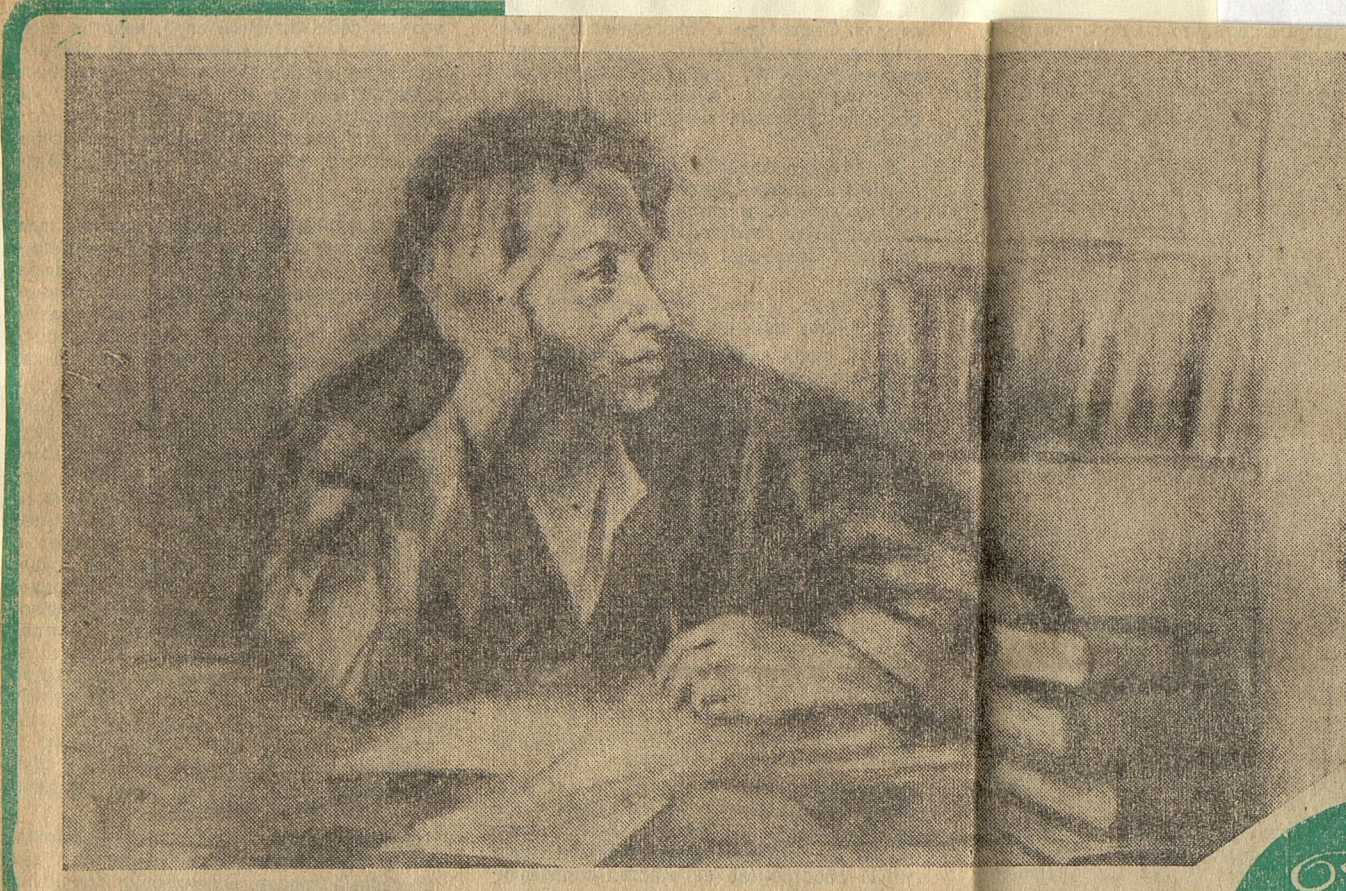

Н. П. УЛЬЯНОВ. «Пушкин за письменным столом». Холст, гуашь, 1936—1937 гг. Новое поступление в Государственный музей А. С. Пушкина

ТЕБЯ, КАК ПЕРВУЮ ЛЮБОВЬ, РОССИИ СЕРДЦЕ НЕ ЗАБУДЕТ!

Сегодня день рождения Пушкина — большой праздник нашей литературы. И мы опять — в который раз — обращаемся к наследнику великого поэта, обращаемся к его поэзии и жизни, к его судьбе.

Не одно литературное поколение воспитывалось на Пушкине, его высокой и строгой мерой судило свой труд. Пушкин и современная поэзия — тема эта необычайно многогранна, бесконечна в своих проявлениях. Параллельно с поэтическим освоением пушкинского наследия шло его научное освоение. И сегодня пушкиноведение — одна из ведущих областей отечественной литературной науки.

Для поэта Владимира Соколова пушкинская тема далеко не случайна. Сухая, зенитная осень
Касается щек, точно жисть,
Листьями, которые сносят
На траву, которым не чести...
И в рынках,
вот в этой метели

Я думаю только о том,
Как в Болдине листья летели
В бессмертье — лист за листом.

Эти строки из стихотворения «Болдинская осень» написаны Владимиром Соколовым более двух десятилетий тому назад. Потом были другие стихи о Пушкине, были статьи, заметки. Поэт рос, развивался, менялись его поэтические пристрастия, но неизменной оставалась высокая преданность Пушкину.

Сегодняшние размышления Владимира Соколова органично продолжают его «пушкинскую тему».
С Пушкиным была неразрывно связана вся жизнь выдающегося советского ученого профессора С. М. Бонди. Своими усилиями, своими трудами и самоотверженным приближал он к нам поэта — строку за строкой.
О Сергее Михайловиче Бонди — статья литературоведа С. Селиванова под рубрикой «Страницы отечественного пушкиноведения».

ЭТИ ЗАМЕТКИ мне хотелось начать фразой: «Когда я думаю о Пушкине...» Но продолжить ее оказалось не под силу, потому что мысль о Пушкине непрерывна. Наше этическое и эстетическое чувство прежде всего воспитано им. И если мы думаем не о Пушкине, то все равно как бы в его присутствии, в собеседничестве с ним. Так же неотступно занимает меня, особенно в последние годы, мысль о Маяковском.

Когда-то Ярослав Смеляков сказал: «Здравствуй, Пушкин! Просто страшно это — словно дверь в другую жизнь открыть — мне с тобой, поэтом всех поэтов, бедными стихами говорить». Нелепо говорить о Пушкине не только стихами. Ведь его мы любим особой любовью. И любим все. Он всенароден, вселюбим. И вечно современен. Совсем не случайно Маяковский, столь склонный к злободневности в тематике своих стихов, обращаясь к Пушкину: «У меня, да и у вас, в запасе вечность». Скажу как будто в шутку, а на самом деле всерьез и по существу.

началось еще со стихотворения Лермонтова «Смерть поэта», было поддержано Тютчевым... А у нас сейчас Дантес упоминается в стихах чуть ли не столько же, сколько и сам Пушкин.

Защитившись на дуэли (будто в жизни Пушкина ничего больше и не было), бесконечно повторяя друг друга и даже не пытаясь воссоздать ту сложнейшую атмосферу, в которой жил Пушкин в последние дни, мы забываем о том, что Пушкин — это не только стихи.

надлежит мысль о всемирной отзывчивости Пушкина, что Максим Горький воплел за Пушкиным и Достоевским подчеркивал, что поэт — это мир.

Итого пушкинских раздумий о назначении поэта стал знаменитый «Памятник», где не только дана оценка своему творчеству, но и завет будущим поэтам.

А вопрос Смелякова, очевидно, содержал важную подсказку: «Вот уже в каком возрасте поэту следует осознать свое предназначение?»

выигрывает. Это тройка, семерка, туз. И кажется, что чрезвычайно загадочным, почему из всей колоды выбраны именно они.

А ведь разгадка дана заранее. Она в словах Германа, искушаемого анекдотом о трех таинственных картах, но на решающего поначалу довериться игре: «Нет! расчит, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утрит, усмерит мой капитал и доставит мне покой и независимость!» Этот четкий жизненный план Германа и переводится позже на язык карт: утрит капитал —

шийся план жизни сменяется в воображении безумца формулой краха, ужасом смерти.

Пушкин всегда и во всем современен. Но бывали такие моменты в истории, когда иные пушкинские стихи не просто пробуждали «чувства добрые», но звучали как прямой приказ. Помню в Москве, в Саратов, на Урале, где я жил в детстве и отрочестве во время войны, на цитах крупно написанные строки:

Иль мало нас? Или от Перни
до Тавриды,
От финских кладных скал
до пламенной Колхиды,
От потреснувшего Кремля
до степей неведимого Китая,
Стальной щетиной сверкая,
Не встанет русская земля!

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»
НАРОДНАЯ ТРОПА
Я памятник себе воздвиг
нерукотворный...
К нему не зарастет народная тропа...

Эти пушкинские стихи, кстати, не печатавшиеся при жизни поэта, может быть, чаще других повторяются сегодня, в день его рождения, именно в силу очевидности осуществившегося пророчества. Все, что связано с именем Пушкина, с талантом, приобретающим для нас все большую притягательную силу. Так, только Михайловское посещают сейчас ежегодно около миллиона человек. И самое удивительное, что это никого не удивляет. Не удивляют и нарастающие тиражи пушкинских изданий.

В последние десятилетия, например, 300-тысячным тиражом вышло десяти-томное Полное собрание сочинений Пушкина в издательстве «Наука», полнотекстовое издание Пушкина в десяти томах, выпущенное издательством «Художественная литература», шестисот-тысячным — десятитомник, изданный «Правда».

Но какими бы огромными ни были тиражи пушкинских книг, расходятся они сразу же. Поэтому и было принято решение издать в ближайшие годы Сочинения А. С. Пушкина в трех томах, на которые могла бы беспрепятственно подписаться каждая семья. Выпустит Сочинения издательство «Художественная литература».

Но какими бы огромными ни были тиражи пушкинских книг, расходятся они сразу же. Поэтому и было принято решение издать в ближайшие годы Сочинения А. С. Пушкина в трех томах, на которые могла бы беспрепятственно подписаться каждая семья. Выпустит Сочинения издательство «Художественная литература».

ЗАМЕТКИ ПОЭТА
Владимир СОКОЛОВ

Стихотворение «Поэт и толпа», вокруг

тройка, усмерит — семерка, и он, Герман, станет тузом.

— Туз выиграл! — сказал Герман и открыл свою карту.

— Дама ваша убита, — сказала ласково Черныш.

Герман вздрогнул: в самом деле, вместо туза у него стояла пиковая дама.

В эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась. Неожиданное сходство поразило его.

— Старуха! — закричал он в ужасе.

Пиковая дама вместо туза означала картонный проигрыш, старуха являлась призраком смерти. В испуге он бросился к Герману, борючись: «Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, дама!» Неудав-

Эти стихи воспринимались как лозунг Маяковского. Впечатляли они так же, как знаменитый плакат «Родина-мать зовёт!».

Я не однажды бывал на Пушкинских праздниках — в Михайловском, в Болдине — и не раз убеждался, что даже хорошо известные строки поэта от повторения не тускнеют, а звучат в новом чтении с прежней, неувыжающей силой воздействия. Так звучат они и на просторной площадке Михайловского, и в скромном болдинском доме, и в разговоре между друзьями.

Я видел, как выходили на подмостки поэты, чтобы прочитать стихи Пушкина, и видел, как, слушая их, люди согласно кивали головами, как шевелились губы, и создавалось такое впечатление, что Пушкин читает не один человек, а читают его все вместе. И это свидетельствовало о народности Пушкина больше, чем многие наши иной раз почти ритуальные высказывания на эту тему.

... ЧТОБ МЫСЛИТЬ И СТРАДАТЬ ...

Размышление о Пушкине — это почти всегда со-размышление. Каким-то блженным образом ты находишь поддержку своим мыслям, догадкам, предположениям в разговорах с друзьями, в том, что читаешь сейчас или вспоминаешь из прочитанного ранее. Только что я с интересом прочитал книгу В. Мейлаха «Талисман», переизданную в этом году. Завесу о нежелательных привазах писателя к Пушкину, написанные еще в прошлом веке, к 100-летию со дня рождения поэта. В них немало легенд и преданий, но поразительно, как широко известен, как близок, как дорог был Пушкин уже тогда крестьянской России. Вот, например, как рассказывает о Пушкине крестьянин из Толболовской губернии: «О чем бы Пушкин ни писал, все у него пело и торжествовало, пел у него простой русский деревенский плетень... Он злимо суровую претворил в красоту лучше лета, да и что было бы русскому без родной зимы, подумайте, и кто бы это мог сделать, кроме Пушкина, припомните, что и простые русские деревни поют...» Еще выдержка из того же письма (о стихотворении «Яне»): «Из простой деревенской крепостной... старухи... Пушкин сотворил прелесть, и эту самую простую душу деревенскую, неталанливую, неграмотную Пушкин сумел поставить в зависимость всем народом, сделал из нее умную, добросердечную красавицу. Простым автору писем незнание истинного облика Арины Родионовны. Прочитаем дальше: «Это ли не чудо творения, и можно ли чего у Пушкина научиться досыта?.. Чем больше читаешь Пушкина, тем больше хочется читать».

На столе у Ярослава Смелякова всегда можно было увидеть книги Пушкина. Я думаю, что уже само их присутствие творчески воодушевляло поэта. А знал он Пушкина подробно, глубоко и не прочь был иной раз проверить собеседника на этот счет.

— Как вы считаете, — спросил он меня однажды, — когда пело и торжествовало, пел у него простой русский деревенский плетень? Он злимо суровую претворил в красоту лучше лета, да и что было бы русскому без родной зимы, подумайте, и кто бы это мог сделать, кроме Пушкина, припомните, что и простые русские деревни поют...»

Я знал, что это строки из юношеского стихотворения, хотя осознаю они чаще как итог поэтического служения Пушкина. Смеляков уточнил: стихи 1818 года, обращены к фрейлейн Плисковой.

Столь рано поэта Пушкина внутренняя задача, оставшаяся для него неизменно актуальной, постоянно усложнялась, углублялась, требовала ее новых поэтических воплощений. И мы находим их и в стихотворении «Поэт и толпа», и в «Пророке», и в стихотворении «Эхо»:

В этих стихах Пушкин сконцентрировал то, что мы сейчас назвали бы словом «духовность». Он говорит о красоте, о нравственности, об идеале.

Конечно, можно возразить ему, когда он восклицает: «Жрецы ль у вас между берут? Можно вспомнить, что Маяковский как раз звал очищать улицы от грязи. Но ведь здесь символы, а не конкретная метла и не конкретная улица.

Мы так часто слышим имя Пушкина, так часто сами повторяем его, что, чего доброго, может показаться, будто мы до конца знаем и все, что он написал, и все, что имел в виду... А Пушкин — поэт великий, неисчерпаемой глубины...

Лет тридцать тому назад вместе с друзьями я навещал заболелшего П. Г. Антокольского. Мы застали его за чтением «Пиковой дамы». И вот что он сказал: «Пиковая дама называется Германин три карты, которые должны принести ему

Ревел ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родился ты вдум.

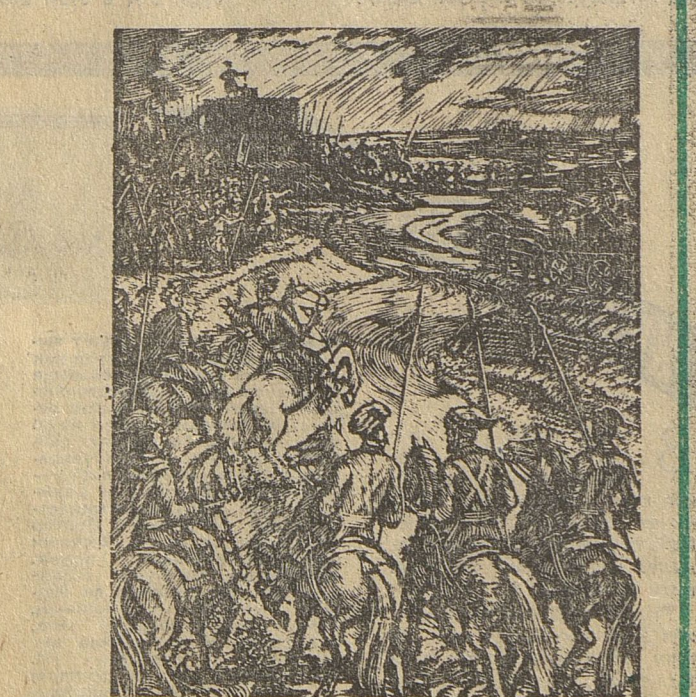
Ты енешься грохоту грома,
И слышишь ответ;
И ирину сельских пастухов —
И слышишь ответ;
Тебе ж нет ответа... Таков
И ты, поэт

Мы помним, что Достоевскому при-

Из новых поступлений в Государственный музей А. С. Пушкина

Е. О. МАЧЕВСКИЙ. Офорт на тему «История Петра»
Ф. Д. КОНСТАНТИНОВ. Иллюстрация к «Полтаве»
Гравюра на дереве

Е. О. МАЧЕВСКИЙ. Офорт на тему «История Петра»
Ф. Д. КОНСТАНТИНОВ. Иллюстрация к «Полтаве»
Гравюра на дереве

«...ДУШИ ПРЕКРАСНЫЕ ПОРЫВЫ»

ОТЧЕТЛИВО сохранилась в памяти, студенты 2-го курса филофа МГУ, столпившись у доски с расписными занятиями, увидели объявление: «Начинает работу текстологический семинарий профессора Сергея Михайловича Бонди. Желающих — просьба записаться». Записались почти все — имя Бонди производило магическое действие. Пришлось бросить жребий — счастливец оказался немногим, всего человек пять. Мне повезло — я была среди них.

...Сергей Михайлович вошел в аудиторию подтянутый, постаринному элегантно, глаза необычайно живые и какой-то вовсе не «профессорский» вид — ни тебе степенности, ни важности. «Давайте-ка, — предложил он, — сядем все вместе, рядом». Как я поняла позднее, это не было педагогическим жестом. Просто так было естественно.

внее, удобнее — общаться, разговаривать, делать одно — общее — дело.

Помню еще, что покзался мне тогда Сергей Михайлович очень молодым (а ведь уже в те годы лет ему было совсем немало). Впрочем, эта его молодость (не молодость, а именно молодость) удивляла меня и потом, и всегда. Казалось, время раздвинуло свои границы, уступив напору бытоящей человеческой жизни.

Он так никогда и не стал старым, хотя жизнь прожила огромиую.

Подумать только! Студентом занимался в семинариях Венгеров и Шляпкин, учился у Бодина де Куртэна, Шахматова и Щербина, работал рядом с Тютчевым и Энгельсбаумом, общался с Блоком, Соллогубом, Бельмом... Для нас, людей совсем уже иного поколения, он был как бы живым воплощением русской духовной традиции, еще и еще раз доказывая ее непрерывность и неиссякаемость. Сергей Михайлович Бонди был ученым — фи-

лологом, литературоведом. Но главное — и это, пожалуй, и точнее, и глубже, и объемнее определил для читателя род его деятельности — он был пушкинистом. В том высоком смысле этого слова, который предполагает отнюдь не только профессиональную литературоведческую специализацию, но как бы образ жизни, некое духовное качество личности, существующее в сильнейшем магнитном поле пушкинского мира.

Анненков, Бартеков, Якушкин, Венгеров, Цявловский, Томашевский, Измайлов... — разные по масштабам научного дарования, по реальному вкладу в пушкиноведение, эти люди были объединены одним общим и главным: бескорыстной преданностью Пушкину. Преданностью литературной. Сергей Михайлович Бонди — из их числа.

Были разные пути в науку. Тот, который избрал Бонди, наверное, самый трудный, но и самый благодарный. Это путь подвижничества, путь неустанного служения истине. Он труден, этот путь, потому что

движется и мысль поэта, вся устремленная к единой цели. Следы этого движения вдруг стали отчетливо проступать в записях, ранее записанных пушкинскими чернилами.

Сергей Михайлович считал, что судьба на редкость благоволила к нему, что обстоятельства его жизни будто нарочно складывались так, чтобы он, по собственному его выражению, как можно скорее «поумнел».

— Представьте себе, — говорил он, — молодой человек, только что окончивший курс в университете, готовящегося к профессорскому званию. Книжки, архивы, лекции по теории стиха, музыка — мир видится из окна библиотеки. И вдруг — революция. Петроград идут матросы, солдаты... Разве мог я тогда по-настоящему понять смысл того, что происходит?

Неожиданно — полная перемена жизни. Он попадает в Кострому, становится заведующим интернатом школы-коммуны. И ступени для детей рабочих.

— Как это было интересно! Какое бы-

ло прекрасное время! Почти четыре года в Костроме, потом в Москве, и там тоже педагогическая деятельность: Наркомат просвещения, опытно-показательная станция по художественному воспитанию. Активная, живая жизнь. Только она, был убежден Бонди, помогла ему разбираться в сложной политической действительности тех лет, верно и четко определить свои гражданские позиции. Без этого, считал он, литературой заниматься нельзя. Настоящий философ, он не только ода-ренность, но и жизненный опыт, и человеческая мудрость, и твердая общественная убежденность.

Только через десять лет вернулся он к научной деятельности. В 1931 году выходит в свет его книга «Новые страницы Пушкина» — одна из блестящих работ в области советского пушкиноведения. В ней — впервые вышедшие в свет тексты поэта, которые Бонди считал важнейшими для понимания творчества Пушкина. Это были тексты, которые Бонди считал важнейшими для понимания творчества Пушкина.

расходились, толпились у кафедры, провожали Сергея Михайловича до метро Большой топой. Там чем же, чем завораживал он нас? Нет, дело тут было не только в его огромном личном обаянии, в органически присущем ему демократизме, в его подлинной интеллигентности, наконец, даже не в его тончайшем артистизме (еще бы: музыкант! когда-то играл в оркестре; знаток театральной работы, зная время у Мейерхольда), нет, дело было не только в этом. Завораживала, подчиняла себе красоту его мысли, ее неотразимая логика. И, конечно, безграничная его любовь к литературе, восприимчивость. Он поэтично как бы одолевал всеми органами чувств. У него был абсолютный художественный слух.

Ах, как не хватало нам сегодня Сергея Михайловича! Да будь он среди нас, разве могла бы к примеру, снова всплыть на поверхность та невероятная, подлинно удивительная подделка Х главы «Евгения Онегина», про которую Сергей Михайлович высказался в свое время решительно. «Увы», — сказал он,

С. СЕЛИВАНОВА